

ПОСЛЕВКУСИЕ КРИЗИСА

Не исчерпан ли ресурс?

Каким будет это послевкусие – шоколадным и медоносным или горьким и пресным? Большинство политиков и социальных мыслителей толкуют о грядущем гастрономическом изобилии. Надо переждать. Вот очистим фондовый рынок. Повысим потребительский спрос. Введем в оборот новые технологии. Точно заклинание повторяется одна и та же фраза: «Кризисы приходят и уходят». Эта мантра частично снимает боль и разочарование. Но энтузиазм постепенно убывает и наш отечественный министр финансов, охваченный стрессом, намекает: ко времени окончания кризиса, по существу, нас уже не будет в живых. Шутка ли кризис продлится, судя по всему, полвека...

Социальная мысль в оценке кризиса изнемогла. Бросились читать Маркса, отложили. Нет там панацеи. Тоже мрачный прогноз... Может, как-то рассосется само по себе? Никто ведь не отменял циклического развития. Это, разумеется, так. Но история не движется по кругу. Никто не станет оспаривать и глубинные цивилизационные разломы, случавшиеся в прошлом... Сколько разных формаций знает мировое сообщество. Мы так увлечены идеей прогресса, что вынуждены давать разные названия социуму, в котором живем. Мы переименовывали его десяток раз. Эта карусель теоретических концепций, как нам казалось, отражает реальную динамику капитализма. Однако мы несколько не продвинулись дальше базовых идей XVI века. Рождается крамольная мысль: может быть, капитализм действительно исчерпал свой ресурс?

В 60-х годах прошлого столетия в «Комсомольской правде» появилась странная заметка «Не рано ли заигрывать с Луной?». Автор, вопреки нагрянувшему космическому энтузиазму, писал о неизведанных морских безднах, о неисследованных тайнах социального устройства, о плодородии почвы, которые, как казалось инакомыслящему, важнее прорыва в космос. Нытику ответили на большом душевном подъеме. «И на Марсе будут...», «Караваны ракет помчат нас вперед...». При общем воодушевлении чуть не потеряли яблони на Земле. Прошло время, и о несвоевременности космического энтузиазма стали писать те, кто его, собственно, и вызвал.

Исследователи сегодня пишут о системности мирового кризиса. Говорят о его полномасштабности, всеохватности. Кризис поразил экономику и финансы, затронул внутреннюю и внешнюю политику, идеологию и культуру, мораль и право, сказался на социальном положении населения всех стран. Эксперты толкуют о том, что он захватывает глубинные основы капитализма как цивилизационного уклада. Речь идет не только о рыночных отношениях, о системе финансов, о глобализации экономических связей. Говорят о забвении протестантского этоса, о неспособности капитализма реализовать идею справедливости. Особо отмечают пагубу бездуховности. Здесь критика капитализма становится тотальной.

Но при этом эксперты предлагают в качестве выхода из мирового кризиса меры частичные, косметические. Но разве не настало время для социально-философского анализа того грандиозного опыта, который был накоплен капитализмом за четыре с половиной столетия его существования? Когда, как не в пору кризиса, придет момент поговорить о его блеске и нищете. Наконец, задаться вопросом, насколько этот цивилизационный уклад соответствует идеалам человечности, справедливости, свободы, духовных устремлений? Стоит ли вообще в духе постмодернистской философии говорить о капитализме как о незавершенном проекте? Быть может, век его уже измерен?

“Давние клятвы о динамичности капитализма как системы выглядят полной нелепостью на фоне разорения России, - пишет Владимир Иорданский, - и ее фактического превращения в страну третьего мира. Сегодня по всему миру ширится

разочарование в капитализме как движущей силе истории, в этой роли он фактически исчерпал себя»

За свой исторический срок капитализм во всю свою мощь развил производительные силы. Он обеспечил невероятный цивилизационный скачок, вызвав к жизни научно-техническую, информационную революции. В результате сложилось общество высокого потребления. Капитализм извлек из арсенала истории демократию как поруганный политический режим и придал ему жизненность и эффективность. Он перевел гуманистическую риторику в русло конкретных социальных проблем – борьбы за свободу и права человека, за достойную жизнь, за справедливость. Этот строй объединил человечество. Через разносторонние экономические и культурные связи он обеспечил движение к глобализации. Людской род, по выражению Н.А. Бердяева, стал превращаться в человечество.

Вместе с тем капитализм истерзал природу, чуть ли не до дна исчерпал ее ресурсы, довел до агонии. Он создал мощные средства разрушения. Неизвестно куда улетевшая ракета Северной Кореи повергла мир в трепет. Глобализация прокатилась катком по национальному своеобразию и самобытности. Демократия, утратив исконный смысл, из народовластия превратилась в мощный инструмент тоталитаризма и авторитаризма. Человеческий род стал распадаться: золотой миллиард отверг право остального мира не только на благоденствие, но и на само существование. Мировой кризис открыл глаза на мощные вулканические силы, бушующие в недрах экономики, социума и всего цивилизационного уклада.

Кризис вызвал растерянность среди экономистов и политиков. Евгений Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики, отмечает, что многие факторы, связанные с попытками преодолеть болезненные процессы современной ситуации, вообще находятся вне управления. (Комсомольская правда, 30 марта 2009, с. 6). Можно подумать, что речь идет о сложностях экономики как научной дисциплины. Но ведь кризис давно уже перестал быть финансовым или экономическим. Можно понять наивную настойчивость английской королевы, которая пыталась узнать у экспертов, почему мировой кризис оказался неожиданностью. Но трудно ответить и на вопрос: отчего огромные финансовые вложения в экономику развивающихся стран, привели к их отставанию в мировом экономическом марафоне и фактически обрекли их на незавидную судьбу. Отчего капитализм не смог микшировать серьезные социальные коллизии, чреватые революционными потрясениями?

Мировой кризис приобрел цивилизационный характер. Это означает, что толковать о нем, оставаясь в мире финансов, отвлеченных экономических показателей, бесперспективно. Кризис вызван не только глобальным структурным дисбалансом в экономике. Он отразил не только противоречие между планетарностью капитала и суверенитетом национального государства. Он не только выразил рассогласованность между глобализацией и политической властью, которая по-прежнему реализуется на уровне государства. Кризис обнажил колоссальный разрыв между реальной и фиктивной экономикой. Он, в конце концов, поставил под удар всю капиталистическую систему.

Социальная мысль явно не поспевает за шквальным преобразованием современного мира. Масштабные и интенсивные преобразования касаются теперь не только сферы хозяйства, денег, экономики, политики и культуры. Меняются и фундаментальные основы воспроизводства человека как биологического и антропологического типа. Гигантская по масштабам биотехнологическая революция не оставила камня на камне от родовых отношений, от родовой сущности антропоида и превратила фундаментальные основы самого человека в простой набор потребностей, пусть и базовых, но потребностей: секса, размножения, вынашивания, вскармливания, обучения и так далее. На наших глазах человека преобразуют в киборга, в техноида, в машину. Восстанавливаются в своих правах политические режимы, о которых писал, к примеру, Аристотель. Стремительность

потоков информации, глобальная миграция населения, распад социальных связей разобщают людей. Иной становится практика образования и мышления.

Насилие без правил

Действительно, мы попали в некий турбулентный поток. Существующие сегодня социокультурные институты и технологии управления обрушиваются на глазах и требуют реконструирования. Вот почему многие социальные концепции, выполнявшие еще недавно миссию интеллектуальной моды, сразу утратили свою ценность. Возьмем, к примеру, взгляды Элвина Тоффлера. От книги к книге он убеждал нас, что современный капитализм вступил в полосу очевидной цивилизованности. Утрачивает свою былую авторитетность насилие. Богатство перестает быть властелином мира. Конечно, оружие и сегодня может добыть деньги или вырвать секретную информацию из уст жертвы. Деньги позволяют купить информацию или оружие. Информация может быть использована для увеличения богатства. Но особую роль сегодня, согласно Тоффлеру, приобретает знание. Оно станет мощным локомотивом истории. Варварство больше не сможет прорвать оболочку цивилизованности.

Но нынешний кризис, поразивший экономику всех стран, радикально изменил представление о глобализации как социальном феномене. Разумеется, речь все еще идет о доминировании рынка и неолиберальных формах демократии. Не оспаривается господство транснациональных корпораций в различных сферах жизни – от экономики до культуры. Все еще обсуждается однополярность мира и раздаются призывы к многополярности. Глобализация по-прежнему активно влияет не только на экономику и политику, но и на культуру, образ жизни и образ мысли. Мировой кризис подтвердил реальность общепланетарных тенденций.

Вместе с тем мировой кризис произвел огромные сдвиги в геополитике, обнажил кричащие противоречия современного мира и самого процесса создания общепланетарной цивилизации. Общие представления о схождении всех культур в некое общее цивилизационное пространство не выдержало испытаний. Вновь актуализировались давние проблемы философии культуры: может ли культурное воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость под напором чужеродных влияний? Обсуждение этих вопросов в философии имеет давние традиции. Но сегодня в условиях кризиса они обрели особую актуальность.

Многие страны в результате глобализации увеличили свою мощь. Это, прежде всего, относится к старому Западу. В то же время глобализация в немалой степени способствовала усилению некоторых развивающихся стран – Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Началась новая индустриальная революция. На деле она привела к мгновенному перераспределению мирового ВВП. За пять лет Европа потеряла свои 1-2 процента. Утраты обнаружились и в США. Однако, несмотря на кризис, они происходят медленнее. Зато одновременно, словно грибы, растут новые экономические центры. Для таких смещений еще совсем недавно потребовалось бы более столетия.

Новая индустриальная революция превратила минеральные энергоресурсы в дорогой товар. Обострилась борьба за новые территории. Еще несколько лет назад Э. Тоффлер, оценивая перемены в современном мире, утверждал, что основное противостояние будет пролегать в пространстве науки и технологий (Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М., 2001). Он писал: «Знания сами по себе, следовательно, оказываются не только источником самой высококачественной власти, но также важнейшим компонентом силы и богатства» (с.40). Если ценностью обладает только знание, почему же многие государства внезапно стали драться за Антарктиду, полагая,

что там размещены неоченимые и пока неизвестные ресурсы. В наши дни 90 процентов ископаемых принадлежат государствам, на территории которых они залегают. При быстром росте мировой экономики в нее влилось около 2 миллионов людей. Кризис в то же время увеличил ряды безработных.

Обозначился и рост спроса на продовольствие. Достоинства аграрной стадии исторического развития, названная Тоффлером, «первой волной», вновь обретает значимость. Земля, дающая продукты питания, неожиданно становится ценнейшим ресурсом. Исторические концепции, абсолютизирующие линейность социального процесса, утрачивают свою состоятельность. Оказывается, аграрная стадия развития цивилизации не является анахронизмом. Губернатор Тулеев личным примером призывает горожан сажать картошку. Никто пока не спрашивает: где знания? Чаше раздаются иные голоса: где продовольствие, вода, воздух?

Повысилась политическая активность населения. Жители земли, еще недавно готовые обменять свою политическую индифферентность на экономическое благосостояние, теперь, напротив, рвутся к политической деятельности. Появляются новые игроки, участвующие в политике. Политизация замещает былую индифферентность масс. Мир оказывается на грани новых столкновений, многим странам в новой ситуации придется бороться за элементарное выживание. Если прежде существовали политические страсти, то сегодня мы наблюдаем необузданность в сочетании с глубоким отвращением к политике.

Еще три года назад в книге «Глобализация как постидеология» З. Бжезинский отмечал, как американская мощь достигла беспрецедентного уровня. Весь мир ощущает инновационный эффект технологического динамизма. Лучшим свидетельством роли Америки в современном мире З. Бжезинский считал американскую массовую культуру, которая проникла во все уголки земного шара. Он писал о том, что повсюду ощущается притягательность многоликой и часто незатейливой американской художественной продукции. (Бжезинский Збигнев. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006)

Между тем известно, что как отчаянно сопротивляются американской массовой культуре хотя бы французские интеллектуалы, где контрверза американизму вызвала к жизни даже определенный духовный стиль. Французы часто и открыто заявляют, что глобализация означает гомогенизацию. Любые проявления глобализации рассматриваются через призму их совпадения с угрозой распространения американской культуры. Официальная позиция Китая тоже отражает явственную культурологическую враждебность в отношении поддерживаемой США глобализации, противопоставляя ей собственную концепцию «азианизма».

Активизировались и антиглобалисты. Обострился интерес к культуре как фактору социального развития. Эксперты все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например, Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Широкое распространение получает в философской литературе идея о том, что адекватно «схваченное» ядро культуры, проницательное постижение ее ценностно-смыслового содержания, ее особенностей могут содействовать прогрессу общества, и в конечном счете всего человечества. Напротив, искаженное или поверхностное понимание сущности духовного наследия, его специфики способно породить мучительные кризисные процессы.

С этой точки зрения, глобализация – так, как она реализуется в современном мире, обладает огромным разрушительным потенциалом. Развитие и укрепление транснациональных монополистических образований приводит к наступлению капитала на национальный суверенитет многих государств. Это грозит экономической катастрофой, что и случилось в Латинской Америке в 80-е годы прошлого столетия. Речь идет не только о стирании культурно-цивилизационных особенностей различных стран, но об

утрате полярностей, без которых цивилизация мертва. Такое разведение полюсов было известно человечеству издавна. Расизм как идеология несостоятелен. Он не имеет оснований для своих биологических притязаний. Но он обнаруживает идеологический соблазн, который живет в ядре каждой структурной системы. Расизм выражает право на различие. Он противоречит тотальной гомогенизации мира. Стремление же стереть расизм до полной основы обернулось тем, что он принял мимикрические формы, явился в формах эксцентричных, агрессивных. Оказалось, что различию нет разумного основания. Это обнаруживает не только расизм, но и все антирасистские и гуманистические усилия, направленные на поддержку и защиту различия. На улицах Парижа появились молодые женщины из стран Магриба, прикрытые паранджой. Различие, разнесенное по всем уголкам земного шара, вернулось к нам в неузнаваемом облике – исламистском, расистском.

На наших глазах рождается новая эпоха глобальной конкуренции. Более того, обозначается новый виток межэтнических и геополитических столкновений. Говоря о глобализации, мы вынуждены сегодня признать, что некоторые народы только делают вид, что ведут западный образ жизни, хотя на самом деле никогда до конца не принимают и втайне презирают его. Они остаются эксцентричными по отношению к этой системе ценностей. Когда они ведут переговоры с Западом, когда вступают с ним в сделку, они считают основополагающими свои собственные ритуалы. По этому поводу французский философ Жан Бодрийяр пишет: «Может быть, однажды исчезнут и сами белые, так и не поняв, что их белизна есть лишь результат шокирующего сближения и смешения всех рас и всех культур, подобно тому, как белый цвет представляет собой амальгаму всех цветов» (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006, с. 60).

Бодрийяр считает, что ни Марокко, ни Япония, ни ислам никогда не станут западными. Европа никогда не станут западными. Европа никогда не заполнит пропасть, отделяющую ее от Америки. По его мнению, могущество Японии – это всего лишь форма гостеприимства, оказываемая технике и иным разновидностям современного стиля жизни. Но она не сопровождается ни внутренним психологическим принятием, ни глубиной. Это гостеприимство в форме вызова, а не примирения или признания.

Страны мира по-разному пытаются выйти из кризиса. Это, несомненно, приведет к новому распределению сил в общепланетарном масштабе. Не исключено, что кое-где начнут укореняться и нетривиальные мысли. Целесообразно ли сводить многообразные жизненные и практические ценности человека к наживе, к материальному благосостоянию? Не впадут ли массы, парализованные кризисом, после его ухода в еще большую потребительскую паранойю? Правомочно ли общество, в котором господствует только стихия рынка, предназначенность человеческой жизни сводится к наживе, интересы финансово-олигархического капитализма регулируют всю жизнь, бездуховность оказывается неизбежным спутником сложившегося уклада?

Может быть, человечество могло бы вернуться к идее конвергенции, общества, в котором уравновешены социалистические и капиталистические принципы? Об этом говорили в свое время П. Сорокин, У. Ростоу, Дж.К. Гэлбрейт, Я. Тинбергер, Р. Арон, Э. Фромм. А, может быть, мир буквально катапультируется в новое цивилизационное пространство? Но каким образом? В ходе мирового кризиса родилось столько полуоформившихся социальных моделей, неожиданных общественных экспертиз. К примеру, Китай показывает, что именно отказ от демократии может в определенных условиях вызвать стремительный экономический рост. Самые безумные прогностические идеи получают неожиданное подкрепление. Стоило одному футурологу указать на грозящий Америке распад как единого государства, как одному из штатов захотелось полного суверенитета. Сбывается неожиданное, подчас несуразное. Речь идет о радикальном переосмыслении социального бытия.

Наша цивилизация такова, что она отлучает человека от духовной, идеальной стороны бытия. Человек нашей цивилизации не имеет возможности проникнуть в

великую неизвестность – в мир духа. Это позволяет развернуть радикальную критику всего современного культурпроекта, дает импульс для поиска альтернативных форм жизни человечества на путях «здорового общества».

Новая роль России

Правомерно ли считать, что Россия выбыла из забега? Многие серьезные эксперты полагают, что именно мировой кризис, при грамотной российской политике, может содействовать неожиданному возвышению России. У нее хороший потенциал. Это и высокая образованность населения, и оборонная мощь. У нас огромная территория, которая сама по себе является нашим ресурсом. Существует мнение, что в современных условиях центром *морской* цивилизации являются США и Великобритания, центром *континентальной* - Россия. В силу ее географического положения – континентального связующего звена между Европой и Азией, Западом и Востоком - Россия выступает основой евразийской геополитической оси.

Когда мы говорим об имидже современной России, мы учитываем прежде всего нынешние прогнозы мирового лидерства. Главной политической мировой силой лет через 15 - 20 лет станет не обязательно США. Это может быть Китай или Индия. Таковы результаты социологического опроса, который проводился среди граждан 6 стран. При этом, согласно этому опросу, шансы России на мировое лидерство невелики. Опрос, проведенный французским институтом социологии Harris Interactive в США и пяти европейских странах, показал, что большинство опрошенных убеждены: в 2020 году доминирующей силой в мире будет Китай или США.

Оценки будущего отличаются от страны к стране. Так, в США 40% опрошенных тавят на Америку, 24% – на Китай, 4% – на объединенную Европу, по 2% – на Индию и Японию. 1% американцев считают, что в 2020 году законодателем мод в мире будет Россия. В Великобритании 32% ставят на США, 28% – на Китай и лишь 4% – на объединенную Европу. В Германии 30% выступают за мировое господство США, 25% – за Китай, 14% – за Европу, пишет Washington Profile. Большинство жителей Франции, Италии и Испании придерживаются мнения, что через 13 лет миром будет править Китай. Так считают 47% французов, 38% итальянцев и 45% испанцев. Больше всего оптимистов по поводу будущего России проживает в Великобритании и Германии. По 3% опрошенных этих европейских стран уверены, что к 2020 году столицей мира станет Москва. Сомневающиеся в будущей мощи России живут в основном в Италии, Франции и Испании.

При этом большинство опрошенных жителей Франции, Германии, Италии и Испании считают Россию больше партнером, чем конкурентом. В США и Великобритании ситуация противоположная: здесь большая часть респондентов видит в России прежде всего конкурента. В то же время Китай подавляющее большинство респондентов всех стран считает реальным конкурентом. И в то же время, именно Китай попал на вторую (после США) позицию в списке «самых-самых». Статус супердержавы за будущей Поднебесной признали 93% французов, 90% американцев, по 87% немцев и британцев, 88% итальянцев и 86% испанцев.

Что касается Российской Федерации, в общем зачете она получила бронзу. Причем наибольшее количество людей, уверенных в могуществе России, согласно прошлому опросу, проживает в Германии – супердержавой нашу страну назвали 88% немцев. В Италии таких респондентов чуть меньше – 87%. Также признают Россию влиятельной страной 85% французов, 83% американцев, 82% британцев и 78% испанцев.

По расчетам российских ученых, к 2020 году на второе место в мире по всем показателям должен выйти Китай. Также достаточно быстро растет Индия. Речь может идти и о Бразилии, и ЮАР, Япония и некоторых других странах. ЕС тоже может стать самостоятельным центром силы. Экономический потенциал Европы достаточно большой. Она тоже может оказаться на третьем месте по этому показателю, но не по политическому весу. Параллельно идет усиление нескольких государств, и надо смотреть, как будут

развиваться события. Не очевидно, что Россия будет всех их опережать. Позиция первенства останется за США, – уверен эксперт, – но если сейчас они подавляют остальные страны, то к 2020 году принципиальное отношение изменится. Они будут самыми сильными из остальных, но будут вынуждены прислушиваться к другим странам.

Россия стремится построить действительно современную и мобильную экономику. В России есть немало стабильных и надежных секторов, которые доказали самое позитивное влияние на ход развития всей мировой экономики. В первую очередь - это энергетические ресурсы. Сейчас, когда нестабильность в мире напрямую отражается на мировых рынках, Россия по-прежнему остается надёжным и предсказуемым партнёром - поставщиком нефти и другого энергетического сырья. Мы перестали надеяться на займы, живем по средствам и находим возможность платить внешние долги. Мир становится многополярным. Все более весомой оказывается роль России в международных делах. Однако историческая миссия нашей страны реализуется недостаточно эффективно, поскольку образ России демонизирован, искажен средствами массовой информации США и других государств. Только за последние годы стало ясно, что без формирования нового имиджа России нам не удастся реализовать исторические задачи

Всякое усиление России многие зарубежные политики воспринимают как угрозу. «Взгляните на карту, - говорил мне один иностранец, - разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своею массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?». Вряд ли можно сходу понять, откуда взята данная цитата. Она извлечена из работы Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (М., 1991, с. 23). Россия действительно обладает сегодня огромной территорией. Имперские державы прошлого, такие, как Великобритания в XIX веке, Китай на различных этапах своей насчитывающей несколько тысячелетий истории, Рим на протяжении пяти столетий и многие другие имперские образования, не простирались на всю территорию Земли. Но вот в противоположность им Америка располагает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе. И раз США полагают себя хозяевами мира, то, несомненно, у этого стремления есть изнанка. Хочешь иметь лидерскую позицию, проводи мудрую, ответственную и эффективную внешнюю политику. Но главное – будь готов к неожиданностям, к срывам и бесконечным неудачам.

Со времени написания книги «Россия и Европа» прошло 140 лет. Однако ее основные идеи, на мой взгляд, сегодня актуальны. Он размышлял о том, почему Европа не признает нас своими? Почему она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое? Русский философ не считал, что следует рассматривать Запад как полюс прогресса, а Азию как полюс застоя и коснения. Он правомерно предлагал различать степени развития от типов развития. Он искал возможности для развития цивилизации как самобытного культурно-исторического типа. «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может не существовать, потому что эта была только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем» (Данилевский Н.Я. Россия и Европа, 1991, с.124)

Каковы перспективы России в изменяющемся мире? Как воспринимается сегодня ее нынешний имидж? Зарубежные эксперты все еще признают, что В.В. Путину удалось вернуть Россию в число держав, которые оказывают влияние на ход мировых позиций. Россия находится в самом начале своего нового имперского цикла. Вместе с тем наша страна не видит необходимости навязывать свою волю и свои ценности остальному человечеству. Россию сегодня заботят внутренние проблемы. У нее нет оснований претендовать на роль абсолютного мирового лидера, как это характерно для США.

Глобализация обладает поразительной близорукостью, когда речь идет о нациях. Она отчетливо осознает потребность в сырье, рабочей силе и квалифицированном

менеджменте. Кто работает на предприятии - индус или бразилец, кто руководит фирмой – мусульманин или дзен-буддист, ей безразлично. Все остальные культурные особенности она воспринимает как анахронизм. «Более того, - пишет А. Столяров, - глобальной экономике не требуется и сама Россия. Гораздо эффективнее был бы конгломерат крупных экономических латифундий, специализированных корпораций, напрямую включенных в мировое экономическое пространство. Причем внутри корпорации вполне может поддерживаться декоративная русскость. Как японские служащие поют хором гимн фирме, с которой они заключили долгосрочный контракт, так русские служащие или рабочие могут, если потребуется, иметь национальный дресс-код: ходить в лаптях, с бородами, подпоясанные веревкой, есть в столовой щи, кашу, пить сбитень (сваренный малайцами из банановой кожуры), участвовать в коллективных молениях по православным обрядам» (Столяров Андрей. Моральный бренд \ ЛГ, 2009, № 12-13, с. 4).

В таком контексте стремление России занять достойное место в изменяющемся мире требует создания нового имиджа страны. В мировом общественном сознании наша держава воспринимается через призму давно устаревших стереотипов. Новый образ России не возникнет стихийно, сам по себе. В этом отношении нужны серьезные усилия – экономические, политические, психологические, социальные.